

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Татьяна УСТИНОВА
Мой личный враг

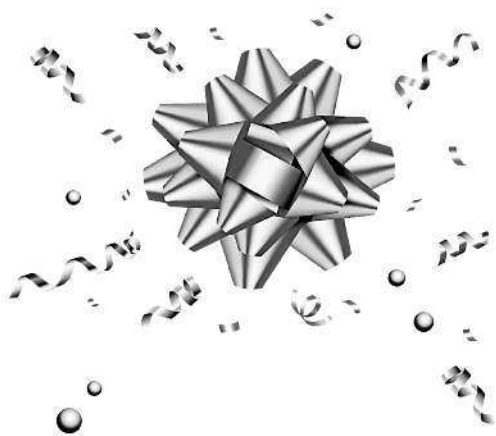
Татьяна ПОЛЯКОВА
Она в моем сердце

Екатерина ОСТРОВСКАЯ
Исповедь без прощения

НОВОГОДНЯЯ **КОЛЛЕКЦИЯ** ДЕТЕКТИВА

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н74

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Новогодняя коллекция детектива : [романы]. —
Н74 Москва : Эксмо, 2020. — 656 с. — (Великолепные детек-
тивные истории).

ISBN 978-5-04-116037-1

Под Новый год все мы готовим подарки для наших родных, друзей и близких. Издательство «Эксмо» представляет отличный презент — сборник «Новогодняя коллекция детектива»! В него вошли остросюжетные романы самых популярных и любимых писательниц — Татьяны Устиновой, Татьяны Поляковой и Екатерины Островской, — действие которых происходит в новогодние праздники. Они увлекут захватывающей интригой, подарят по-настоящему радостное настроение, и вы убедитесь, что интересная книга — по-прежнему лучший подарок!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116037-1

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Устинова

МОЙ ЛИЧНЫЙ ВРАГ

7

Татьяна Полякова

ОНА В МОЕМ СЕРДЦЕ

259

Екатерина Островская

ИСПОВЕДЬ БЕЗ ПРОЩЕНИЯ

469

Татьяна УСТИНОВА

Мой личный враг

Движущийся сноп света рассек темноту, почему-то сильно напугав ее. Звякнули приготовленные заранее ключи, и сердце замерло, сжавшись в ледяной кулачок и мешая дышать. Во двор въехала машина и, расплескивая лужи, проползла к соседнему подъезду.

Ничего страшного, просто какие-то запоздалые соседи вернулись домой.

Она знала, свет в подъезде горел только начиная с третьего этажа, а взбираться предстояло на пятый. И лифт, как всегда, не работал.

Повздыхав около двери в могильную черноту подъезда, она решила, что нет ничего глупее, чем стоять во втором часу ночи, можно сказать, в двух шагах от собственной спасительной двери и бояться сделать эти два шага.

Надо себя заставлять, вспомнилось ей из какого-то анекдота.

Она открыла дверь, шагнула раз, другой и нащупала холодные ночные перила, наводящие на мысль о маньяках-убийцах, подстерегающих в темноте невинных барышень. Впрочем, невинные барышни не работают до двух часов ночи, тут же уточнила она.

С площадки первого этажа она оглянулась. Теперь казалось, что на улице гораздо светлее, чем в подъезде. Ей стало неприятно: со следующего пролета она уже не увидит прямоугольник входной двери, слабо сочащийся уличным светом.

И от зажигалки никакого толку. Горячий дрожащий язычок освещал только руку, делая окружающий мрак еще более непроглядным. Чтобы не затягивать путешествие, она спрятала зажигалку в карман и понеслась вверх по лестнице. В конце концов, где-то там, на третьем этаже, горел свет..

Ее ударили, когда до света осталось добежать совсем немного. Ударили вполне профессионально — она не слышала ни шагов, ни

шума, ни даже вдоха. Она свалилась лицом вперед, стукнувшись головой о ступеньки, как кукла.

Человек, ударивший ее, был мастером своего дела. Он быстро посветил фонариком, убедился, что женщина жива, и, достав нож, слегка полоснул ее по щеке и еще раз — по уху. Чуть слышно звякнула серьга.

Затем он убрал нож и стал неторопливо спускаться вниз, где его ждала машина.

Комната была какая-то странная — очень знакомая и все-таки чужая. И люди в ней были смутно знакомые. Кажется, один из них — ее муж. А остальные кто?

Чудно все выглядело: то ли нарушение пропорций, то ли искривление пространства...

Ну да, конечно! Это оттого, что она смотрит на них сверху. И не с потолка даже, а с какой-то небывалой высоты.

И эта женщина на диване, с залитым кровью лицом, — она. И комната — ее собственная. С ней что-то случилось, и, кажется, совсем недавно.

Почему они так суетятся, если с ней все в порядке и она их отлично видит и слышит? И почему такое бледное и потерянное лицо у человека, который вроде бы ее муж?

Нужно его успокоить. Разве он не видит, что с ней все хорошо?

Она сделала попытку шевельнуться и стала вдруг стремительно падать со своей высоты прямо в эту комнату, полную людей и острого запаха беды — валокардина, нашатыря и белых халатов.

И это падение было гораздо страшнее того, что произошло с ней до этого.

Скорость падения все увеличивалась, и в последнее мгновение она увидела прямо перед собой собственное лицо с разрезанной щекой и синевой вокруг рта и глаз.

«Я не хочу обратно в нее, — молнией сверкнула мысль. — Я боюсь! Там темно и страшно».

И сразу навалилась боль, тупая, унижительная, мерзкая...

Она застонала, хватая за руки того человека, которому собиралась сказать, что с ней все хорошо.

— Вернулась... — отчетливо проговорил кто-то у нее над головой, и больше она ничего не видела и не чувствовала.

Пятью месяцами раньше

Французик, из-за которого Вика и затеяла все представление, был так себе, ничего особенного. Да и разглядеть его толком не удалось — гостей было великое множество, и французик в них потерялся, как воробей в курятнике, хотя Вика исправно подводила к нему знакомить всех вновь прибывающих.

Для Александры он перестал существовать, как только она поняла, что он меньше ее ростом.

Мужчин, которые были ниже ее, она просто не замечала. Слишком долго она проторчала у стенки на школьных и институтских дискотеках, где все потенциальные кавалеры доставали ей как раз до плеча, слишком свежи были в памяти многочисленные дурацкие прозвища, которыми ее начали награждать еще в детском саду, слишком долго она пробыла неизменной «правофланговой» на всех без исключения школьных спортивных мероприятиях, чтобы сейчас тратить жизнь на всяких низкорослых недоумков. Теперь, когда у нее есть Андрей, ей в высшей степени наплевать, какое впечатление она производит на всех остальных.

Ее позвали оценить заграничное Викино приобретение — французского журналиста, приехавшего творить в Москву. Она оценила — не слишком высоко. Теперь оставалось со спокойной душой поесть и дожидаться Андрея.

Стоя в углу, она жевала бутерброд с тоненьким ломтиком вкусной белой рыбки и хрюкала от удовольствия.

За день она устала, набегалась, дважды промочила ноги, поругалась с оператором, чуть не опоздала с сюжетом к эфиру и получила выговор от желчного Михаила Андреевича, выпускающего редактора.

«С вашей организованностью, Саша, — сказал Михаил Андреевич, возвращая ей подписанный текст репортажа, — только на складе утильсырья работать».

И ни о чем не захотел слушать. Ни о пробках, ни об операторе, решившем именно сегодня помотать ей нервы, ни об опоздании политика, у которого она брала интервью.

Ну и ладно, день прошел — и слава богу, следующий будет лучше. В это Александра верила свято. Самое главное — сейчас придет Андрей и можно будет тихонечко убраться восвояси.

Взяв еще один бутерброд, Александра перехватила тоскующий взгляд Димы Тимофеева, собственного корреспондента «Вестей» в Багдаде, который толковал о чем-то с Викой, и бегло ему улыбнулась. Димка закатил глаза и поднял брови, выражая отчаяние, но Александра спасать его не собиралась. Она слишком устала, неохота вязываться в Викины светские беседы. Прилаживая бутерброд, чтобы половчее откусить, она осторожно повернулась в сторону балкона, где было не так людно, и нос к носу столкнулась с французом.

— Пардон, — пробормотал он и вежливо посторонился. Рядом с ним Александра чувствовала себя слонихой.

— Ничего, — лучезарно улыбнулась она с высоты своего роста.

Весь он был какой-то невзрачный. На худом загорелом лице — очки, одет то ли бедно, то ли непривычно для русского глаза — темный свитер, темные джинсы, нелепая жилетка. И — господи, спаси и помилуй! — волосы собраны сзади в короткий хвост.

Он тоже улыбнулся. Улыбка у него оказалась приятной.

— Я, наверное, за всю жизнь столько не знакомился, сколько за сегодняшний вечер, — сказал он Александре по-русски. — И никого не запомнил.

Очень удивленная, Александра замерла с бутербродом в руках — со всегдашней своей неловкостью, за которую ее так ругал Андрей, она даже не догадалась пристроить его на тарелку. Знакомясь, французик пробормотал что-то вроде «Нотр-Дам, норсульфазол...», то есть изъяснялся явно по-своему, по-иностранному, это она точно запомнила. А теперь вдруг — на великом и могучем...

— Вы говорите по-русски? — с изрядным опозданием удивилась она.

— Говорю, — подтвердил он. — Как у каждого или почти каждого порядочного француза, у меня имеется русская бабушка вполне княжеского рода. Учить русский язык в семье считалось хорошим тоном.

— Надо же! — искренне восхитилась Александра — чуть ли не впервые в ее журналистской практике ей попался иностранец, говорящий по-русски.

Он учтиво стоял рядом, и было непонятно, что ей теперь делать — протиснуться мимо него вместе со своим бутербродом к окну или завязать с ним легкую и приятную беседу. Места между столом и французом было мало, поэтому Александра выбрала бе-

седу, проклиная на чем свет стоит Вику, флиртующую с Димкой. Пусть бы сама развлекала своего француза — она, Александра, светскими талантами никогда не блистала.

— Вы впервые в Москве? — поинтересовалась она со всей непринужденностью, на которую только была способна. Должно быть, со стороны они выглядели забавно — изящный француз и она, зажавшая бутерброд в горсти, как последнюю гранату.

— Родители привозили лет тридцать назад. Я помню все очень смутно, — ответил он и опять улыбнулся смущавшей ее улыбкой. — Сейчас многое в Москве изменилось, верно?

Пожалуй, акцент в его речи все-таки был. Вернее, даже не акцент, а легкий намек на него, некая приятная неправильность интонации, которую трудно сразу уловить. Да, а как же его зовут? Она не собиралась с ним разговаривать и была уверена, что его имя ей не понадобится, поэтому плохо слушала Вику, когда та представляла их друг другу. И что теперь делать? Спросить? Или обойтись предложениями без обращения?

— Прошу прощения, — сказала Александра несколько смущенно, — но я не запомнила вашего имени. Меня зовут Александра Потапова. Я журналистка. Работаю корреспондентом в «Новостях» на Первом телевизионном канале. — До сих пор, представляясь, она испытывала прилив жгучей гордости. — А вы?

— Меня зовут Филипп Бовэ, — ответил француз, ничуть не смущенный нарушением этикета: наверное, он сам разбирался в нем не слишком хорошо. — Я приехал в Россию писать книгу. Пробуду здесь, возможно, около года.

— Вы журналист? — спросила Александра. В то, что он знаменитый писатель, она как-то не очень поверила.

— Не совсем журналист, — ответил он, подумав. — Когда-то хотел быть журналистом. Но так им и не стал. Появились... другие дела.

Понимающе кивая, Александра думала о том, как бы повежливее отойти от него. Конечно, она уже не школьница-переросток, а вполне зрелая женщина с надежно упрятанными комплексами, но все-таки возвышаться над ним — маленькое удовольствие. Хотя он был не намного ниже, сантиметра на три, пожалуй... Но и три сантиметра ее нервировали.

— Кажется, я не даю вам есть, — догадался француз.

— Я сегодня очень устала, — доверительно сообщила ему Александра, с сожалением рассматривая рыбу на прозрачном ломтике

свежего хлеба: откусить при нем она не решалась. — Пятница — самый трудный день. Обязательно произойдет что-нибудь непредвиденное. Перед выходными все стараются как следует накачать народ, чтоб никто, не дай бог, не забыл, в какое ужасное время мы живем...

— Накачать? — переспросил он недоуменно.

Александра засмеялась.

— Ну, вывалить очередную кучу чернухи, — пояснила она весело.

— Ага. Чернухи, — сказал француз и тоже засмеялся. — К сожалению, я знаю только классический русский язык, и мне иногда трудно с пониманием.

— Ничего. Если вы собираетесь писать о нас книгу и будете собирать материал, от вашего классического русского не останется и следа, — пообещала ему Александра. — Будете говорить, как все сейчас говорят.

— Вы меня утешаете, — пробормотал Филипп.

Девушка ему нравилась, и говорить с ней было приятно. По крайней мере, она не смотрела ему в лицо завораживающим взором и не старалась поразить его воображение неземной красотой или потрясающим интеллектом.

Чуть ли не весь вечер он старательно придурился, что ни слова не понимает по-русски, и вот — на тебе! — разговорился с какой-то случайной девицей, неизвестно как попавшей на эту вечеринку восходящих звезд и почти знаменитостей.

Она была высокой — вровень с ним или даже чуть выше — и крупной. Аристократической худосочности в ней не было и в помине. Длинные ноги, сильная шея, нежная кожа, очень короткие волосы. Филиппу этот короткий блестящий «ежик» просто не давал покоя — так хотелось его потрогать. С чего бы?

— Пойдемте на балкон, а? — не выдержала Александра. — Там никого нет и можно покурить. Вы курите?

— Курю, конечно, — сказал Филипп и как привязанный пошел за ней, разглядывая ее шею с оставленным завитком темных волос.

— Я только возьму еще бутерброд, — извиняющимся тоном сказала она. — А вы не хотите?

Филипп с удовольствием выпил бы кофе, да и не мешало бы также сделать пару звонков, однако придется выждать еще с полчаса — уехать сейчас просто неприлично.

Оказавшись на балконе, Александра заметно расслабилась. Здесь было темно и прохладно — из приоткрытой рамы тянуло осенней сыростью, пахло дождем и автомобильными выхлопами. Шум вечеринки заметно стих, но дверь, в которую должен был войти Андрей, просматривалась отсюда очень хорошо, так что она его не пропустит.

— Принести вам кофе? — спросил француз, про которого Александра совсем забыла.

— Да, если можно, — благодарно сказала она — кофе ей очень хотелось.

Глядя, как француз пробирается между гостями к столу с напитками, Александра внезапно его пожалела. Бедняга, все его бросили. Даже Вика. Он же не виноват, что не похож на Алена Делона и вообще сильно отличается от стандартного французского очаровашки, созданного русским женским воображением. Ни шарма, ни обаяния, ни пресловутой элегантности. Зачем он понадобился Вике?

Конечно, не всем удастся заполучить на вечеринку настоящего француза, а Вике удалось. Может, в этом все дело? Теперь все увидели, что француз действительно был, и больше он ей не нужен. А может, он чей-то приятель? Или друг?

— Молока не было, — сообщил француз, возникая на пороге. — Сахар я захватил.

— Спасибо, — прочувствованно сказала Александра. — Где-то здесь была пепельница.

Они закурили, глубокомысленно глядя за окно, в черную осеннюю московскую ночь.

— Вы в «Останкино» уже были? — Александра съела свои бутерброды, утолив сосущий голод в пустом желудке, а кофе и сигарета настраивали ее на благодушный лад.

— Нет, — ответил француз. — Меня приглашал господин Митрофанов, продюсер программы... — Было видно, что он силился вспомнить, какой именно.

— «После бритья», — подсказала Александра. — Это хорошая утренняя программа. Кирилл Митрофанов в наших кругах человек известный.

— Я с удовольствием посмотрю ваш телецентр, хотя ничего не понимаю в телевидении. Должно быть, это интересно. Верно?

— Ужасно интересно, — воодушевилась Александра. — Я работаю уже три года, начинала ассистентом режиссера в одной кро-